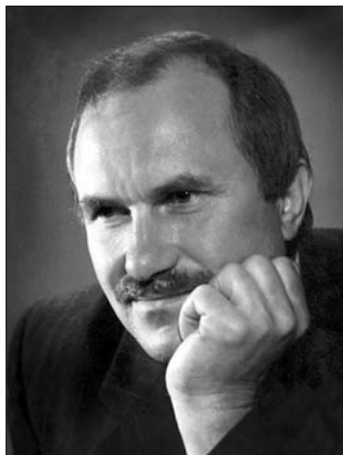

ПЁТР АЛЁШКИН

ДВА РАССКАЗА

ТОНЯ

Если бы я мог представить, чем закончится наша с Тоней экскурсия по Золотому кольцу, то я бы все силы приложил, чтоб не допустить этого путешествия. А ведь это я сам, сам намекнул, а потом и организовал эту роковую для меня поездку, перевернувшую всю мою жизнь.

Я всегда считал, что хорошо знаю свою жену Тоню, ведь мы не только прожили вместе почти десять лет, но и были знакомы всю жизнь. В один детский садик ходили, в одном классе учились, а потом, случайно, даже в одном университете кооперации оказались, затем вместе работать стали, а потом и поженились. Впрочем, как думаю я теперь, если бы мы не поехали в то злополучное путешествие, рано или поздно это всё равно бы произошло.

Жили мы неплохо, ссор больших не было. В школе в голове моей никогда не возникала мысль, что эта спокойная, серьёзная девчонка станет моей женой. Она была симпатична, мила, но как-то холодна. Да и в институте я не особо обращал на неё внимание, а когда на третьем курсе я открыл свою торговую фирму, стал перепродавать популярную косметику, бухгалтером к себе пригласил Тоню. Она, поколебавшись, согласилась. Я забирал в оптовой фирме коробки с косметикой, грузил в свой старенький “жигулёнок”

АЛЁШКИН Пётр Фёдорович родился в 1949 году в селе Масловка Тамбовской области в семье колхозника. Работал плотником, слесарем, трактористом, шофёром, монтером пути (1966—1982), редактором (1982—1987). В 1990—1991 гг. был директором издательства “Столица”. В настоящее время возглавляет издательство “Голос”. Автор 27 книг прозы, собрания сочинений в 3-х томах. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

и развозил по палаткам и маленьким магазинчикам, а Тоня сидела в офисе, договаривалась с покупателями и вела бухгалтерию.

Не понимаю теперь, как это случилось, для меня самого неожиданно, внезапно вспыхнула страсть к Тоне. Я влюбился. Видимо, повлияло то, что у меня стало много свободного времени. Голова разгрузилась. Дела наши шли в гору, прибыль росла, я стал забирать товары не у посредников, оптовиков, а у производителей, завёл свой склад, нанял несколько экспедиторов, купил отличный “джип”. Влюбился и быстро взял быка за рога, сделал Тоне предложение. Она почему-то не сразу согласилась, хотя я прекрасно знал, что соперников у меня не было.

Поколебалась денёка три и согласилась. Я был счастлив. Жили мы ровно, без всплесков веселья или скандалов. Поводов для ревности ни у неё, ни у меня не было. Всегда вместе: и на работе, и на отдыхе. Каждый год отдыхали на море в Турции или Египте. Купили квартиру в центре Москвы. Одним словом, примерная пара средних буржуев, стремящихся выбиться в крупных дельцов. Я мечтал об этом, рвался наверх, растил капитал. Считал, что Тоня полностью разделяет мои мечты и дела. Какая московская женщина не желает быть женой богатого бизнесмена? Вон её лучшая подруга, наша одноклассница Галка Софронова, с юности мечтает выйти за богатенького иностранца и свалить из России.

Но вдруг года три назад Тоню будто подменили. Раньше она была не так молчалива, отчуждена, задумчива, как эти последние три года нашей жизни. Нет, она не была весела, шутлива, озорна, как её подруга Галка Софронова. Но когда собирались вчетвером: я со своим другом детства Виктором Перельгиным, тоже одноклассником, без ума влюблённым в Галку, и Тоня с Галкой, то жена всегда оживлялась, принимала участие в общем веселье, подхватывала шутки, смеялась. В такие вечера я с удовольствием любовался ею. Но Галка наконец-то воплотила свою мечту, вышла замуж за испанца и покинула Россию, а Виктор, потеряв Галку, подался в монахи, и Тоня после этого совсем ушла в себя и так и не вернулась за три года.

Тоня в эти годы увлеклась православной литературой, купила Библию. Я спросил однажды, почему это вдруг её заинтересовало?

— Не вдруг, — ответила она. — Давно размышляю о вере наших предков! Хочется понять их душу, чем они жили, во что верили!

Я и предложил сдур прокатиться по Золотому кольцу, побродить по древним соборам и монастырям, подышать воздухом далёких предков, пропустить сквозь свои сердца стародавний дух седой старины. Тоня, как всегда, не сразу согласилась, ответила:

— Да, идея неплохая! Но потом, потом...

Потом она сама назначила дату поездки. И вот мы катим по Золотому кольцу от монастыря к монастырю. За рулём менялись часто, чтоб каждый мог полюбоваться удивительной красоты местами, мимо которых мы проезжали.

Мы уже побывали в Троице-Сергиевой лавре, Переславле-Залесском и теперь въезжали в Ростов Великий. Мы заранее изучили по компьютеру свой маршрут и, не сговариваясь и не обсуждая, с особенной надеждой пометили для себя чудесное посещение для молитвы собора Зачатия Святой Анны и чудотворной Ватопедской иконы Пресвятой Богородицы в Спасо-Яковлевском монастыре Ростова Великого.

По пути мы много разговаривали, обсуждали увиденное. Меня радовало, что Тоня необычно разговорчива, возникла надежда, что после поездки она вернётся из своего ухода в себя. Когда въехали в Ростов Великий, она умолкла, притихла. Ехали мы по Ленинской улице.

— Смотри, — указала вперёд Тоня и прочитала вслух надпись на щите у дороги напротив празднично-весёлого, цвета весенней зелени двухэтажного дома. — Гостиный дом “Царевна-лягушка”.

Дом мне сразу понравился.

— Здесь мы и остановимся, — стал притормаживать я.

До обеда было ещё много времени, от Переславля-Залесского мы ехали всего полтора часа и, устроившись в номере, тут же отправились пешком

в Спасо-Яковлевский монастырь. Шли молча, я почему-то в душе ощущал какое-то возвышенное торжественное чувство, как перед каким-то важнейшим для моей судьбы событием. Перед воротами Тоня надела на голову одноцветный серый платок, перекрестилась и низко поклонилась. Я заметил, что была она в это время чрезвычайно серьёзна, и тоже быстро перекрестился вслед за ней.

Вошли в любовно ухоженный двор монастыря с зелёным подстриженным газоном, с молодыми ёлочками вдоль выложенных коричневой брусчаткой чистых дорожек, ведущих к пятиглавому собору меж цветущих кустов белой гортензии, алых роз, ярко-оранжевых лилий, розовых флоксов и других ухоженных цветов. Центральная глава собора, большой золотой купол, возвышалась в окружении четырёх куполов поменьше с золотыми звёздами, разбросанными по синему фону. Это и был собор Святой Анны.

Народу во дворе монастыря было немного. Из открытых дверей Дмитровского собора негромко доносилось возвышенно-печальное пение. Празднично, ослепительно-ярко белели на солнце свежевыкрашенные стены собора с величавыми колоннами у входа, внушительно возвышался над всем монастырём величественный зелёный купол. Но несмотря на ясный солнечный день, на сияющие великолепные соборы и колокольню, на яркие цветы сада, среди которых шли мы, не было в моей душе светлого чувства, показалось на миг, что в самом воздухе монастыря разлита какая-то печаль, может быть, этому способствовал резкий сладковатый запах свежескошенной травы газона, и я почувствовал непонятное томление, тревожное ожидание чего-то непонятного.

Мы прошли по дорожке мимо небольшой часовенки над святым источником посреди сада к собору Святой Анны, возле которого было совсем безлюдно. Я подёргал за ручку дверь собора. Она была заперта на замок. Я разочарованно оглянулся на Тонию. Торопились, спешили — и всё зря. Мы стояли возле двери и направились к Дмитровскому собору, откуда доносилось пение. Пока мы шли к нему, пение прекратилось, в дверях собора показались люди. Они выходили на паперть, крестились, спускались по невысоким ступеням на площадь, шли мимо нас. В саду монастыря сразу стало многолюдно, у святого источника образовалась небольшая очередь.

Тоня вдруг воскликнула радостно:

— Смотри!

Глядела она с улыбкой на монаха в чёрных подряснике и скуфье. Когда я поднял голову на него, тот обернулся к нам спиной, лицом к выходу из собора и трижды перекрестился, каждый раз низко кланяясь. Я с недоумением взглянул на Тонию — что её так удивило и обрадовало?

— Смотри, смотри! — повторила она.

Монах повернулся к нам лицом и стал спускаться по ступеням вниз. Несмотря на заросшее русой бородой лицо и длинные волосы, выбившиеся из-под чёрной скуфьи, я его узнал сразу.

— Витя! — воскликнул я.

Монах вскинул голову, заулыбался и быстро зашагал к нам. Да, это был Виктор Перельгин, наш одноклассник. Мы обнялись. Потом Виктор повернулся к Тоне, а она вдруг сложила свои руки крестом ладонь на ладонь перед ним и поклонилась ему, говоря с почтением и смирением в голосе:

— Благословите, батюшка!

Мне показалось это нелепым, смешным. Я еле удержался, чтоб не рассмеяться, поиронизировать, превратить в шутку её обращение к однокласснику. Какой Витя батюшка для Тони! Ведь он сидел в классе позади неё и не раз, играя, дёргал её за длинные косы. А Виктор переменялся в лице, стал серьёзным и перекрестил склонившуюся перед ним голову Тони с молитвой:

— Бог благословляет. Во имя Отца и Сына, и Духа Святого!

Тоня как-то торопливо схватила руку Виктора и поцеловала её в тыльную сторону ладони. Я ещё больше поразился, глядя на свою жену, и на мгновение показалось, что эта женщина в сером платке, склонившаяся для поцелуя руки монаха, незнакома мне. Я почему-то почувствовал себя неловко, будто невольно оказался свидетелем какой-то чуждой мне интимной сцены.

Когда Тоня выпустила руку Виктора, тот взглянул на меня с прежней улыбкой.

— Паломники?

Я ответил шутливо в тон ему:

— Приехали на богомолье, а храм закрыт!

— Почему? Заходите, — указал монах на вход в собор.

— Нам этот нужен, — глянул я на собор Святой Анны.

— Это дело поправимо. Идите к храму, сейчас принесу ключ. Вы где остановились?

— В “Лягушке”.

— Можно пообедать у нас в трапезной, а можно — в гостинном дворе. Там хороший ресторан.

— Если ты будешь с нами, то в “Лягушке”.

— Не могу. Дела.

— Тогда и мы пообедаем в трапезной. Посмотрим, как вас кормят.

— Тогда ждите. Я мигом.

Виктор, звали его теперь отец Михаил, открыл дверь собора Святой Анны, спустился впереди нас по крутым ступеням в подземную церковь с расписанными по синему фону колоннами и сводами и оставил одних в храме, сказав:

— Не буду вам мешать... вернусь минут через десять-пятнадцать.

Как только затихли шаги монаха на лестнице, Тоня упала на колени перед иконостасом. Я тоже опустился на каменный пол позади неё.

Потом мы молились у чудотворной Ватопедской иконы Божией матери, гуляли по чудесному саду, слушая рассказ Виктора, а теперь отца Михаила, об истории монастыря с древнейших времён, любовались со смотровой площадки на стене монастыря спокойным, поблёскивающим на солнце озером Неро, раскинувшимся до самого горизонта. Каменная стена монастыря вытянулась по самому берегу озера. Гуляли по галерее на стене, восхищаясь сверху красотой соборов и сада. Теперь в монастыре было многолюдно.

Во время разговора я выяснил, что монахам пить вино малыми дозами не возбраняется, и пригласил его после вечерней службы в ресторан гостинного двора “Царевна-лягушка”.

И вот мы вечером сидим за столом. Отец Михаил расспрашивает об одноклассниках, никого из которых он не видел уже почти три года. Мы до встречи успели побывать ещё и в Ростовском кремле, пришли в ресторан утомлённые, поэтому быстро захмелели. Чувствовалось, что и отец Михаил уже навеселе. По его словам, он только дважды за эти три года пригублял вино на большие праздники в трапезной монастыря.

Я успел похвастаться своими успехами в бизнесе и теперь рассказывал, как и чем живут наши общие друзья. Тоня в застольях с друзьями обычно весела, шутлива, а теперь серьёзна, молчалива. Я считал, что так на неё действует одежда монаха-одноклассника. Хотя сам отец Михаил был в настроении, оживлён, добродушен, улыбчив, видно было, что он рад встрече с одноклассниками, с которыми все школьные годы был в добрых отношениях, живо и заинтересованно расспрашивал о жизни в миру. Кажется, что уже вспомнили всех школьных и университетских друзей, но одно имя все трое избегали упоминать — имя Галки. Мы знали о безответной любви Виктора к Галке Софроновой, знали, что и в университет имени Косыгина он поступил только потому, чтобы быть на одном курсе с Галей. Надеюсь, что наконец-то сможет добиться её расположения, но, увы, она на третьем курсе закрутила с каким-то иностранцем, бросила учёбу и уехала в Испанию.

Тоня дружила с Галей ещё со школы и знала о её страстной мечте выйти замуж за богатого иностранца. Не раз обсуждали подружки и неугасающую любовь Виктора к Гале. Та говорила, что Витя прекрасный парень, кому-то он доставит счастье, но только не ей. Её ждёт счастье за границей, она уверена, что там живёт мужчина, который сейчас ищет именно её, мечтает о ней, и вскоре они наверняка встретятся. А Витя не пропадёт, найдёт свою судьбу.

И как видно сейчас, он её нашёл. А Галя нашла свою. Я считал, что Виктор знает, что случилось с ней, потому так тщательно избегает называть её имя.

— Ты не жалеешь, что ушёл сюда? — спросила Тоня, пристально глядя в глаза отца Михаила.

— Нисколько! — ответил тот.

Я понял, что ответил он совершенно искренне. Так оно и есть.

— Если бы я знал об этом покое и благодати ещё в школьные годы, — продолжил отец Михаил, — то непременно бы пошёл учиться в духовную семинарию. Но для нас в те годы жизнь монастыря была недосягаемой тайной.

— За это выпить стоит, — подняла бокал Тоня. — За нашедших свою судьбу!

Отец Михаил поднял бокал, стукнулся краем с моим бокалом и бокалом Тони, пригубил вина и поставил бокал на стол со словами:

— Скорее судьба нашла меня, чем я её. — И, немного подумав, добавил: — Ведь в монастырь я ушёл из-за Гали.

— Об этом нетрудно догадаться, — сказала Тоня. — Как ты любил её, сейчас так не любят!

— Да-да, после чудесной встречи с ней судьба моя была решена.

— Ты встречался с ней? — удивилась Тоня.

Я тоже смотрел на отца Михаила с изумлением.

— Было дело, было! Я тогда даже решил, что она теперь навсегда моя, готовился предложить ей выйти за меня замуж. Ведь нам было так хорошо. Не только мне, но и ей, я это видел, чувствовал, обмануться я не мог. Да и она, как вы знаете, лицемерной не была...

Он замолчал, потянулся вилкой к кусочку рыбы на тарелке, взял его и стал задумчиво жевать, не глядя на нас, и добавил:

— К тому же она сама ко мне пришла, когда я уже и мечтать о ней зарёкся. И вдруг... Такое любому вскружит голову.

Мы смотрели на него молча, надеясь, что он продолжит рассказ, но он, молча и задумчиво, продолжать есть. Мы тоже принялись за еду. Тоне, видимо, не терпелось узнать о таинственной встрече Виктора и Гали, она глянула на погружённого в воспоминания отца Михаила и, не выдержав молчания, спросила:

— Куда она пришла?

— Ко мне домой.

— Ты ждал её?

— Перед этим я видел её года полтора назад, видел мельком, на улице у метро Третьяковская. Я спускался по ступеням, а она взлетала по ним наверх. Торопилась куда-то. Промелькнула мимо меня, даже не заметив...

— А как же... — с недоумением спросила Тоня.

Я в разговор не вмешивался, слушал молча, боялся спугнуть лирическое настроение отца Михаила.

— Всё произошло внезапно... Воскресенье. Сижу дома за компом. До обеда ещё далеко. Вдруг звонок. Недоумеваю, кого несёт. Без звонка ко мне давно уж никто не приходил. Открываю дверь и застаю ошарашенный. Она! За то время, что я её не видел, она, кажется, ещё сильнее расцвела, полнеть начала. Большие груди того и гляди порвут тонкий голубенький свитерок. Загорелая, цветущая, весёлая, стоит, смотрит на мой огорошенный вид, смеётся:

— Не ждал?

Как я мог её ждать? Я никого не ждал. У меня даже тапок вторых не было.

— Заходи, заходи! — говорю я быстро, смущённо и растерянно отступая в коридор. — Разуваться не надо. Не прибрано. Ко мне никто не ходит...

“Чем же её угостить?! — думаю я лихорадочно. — Эх, знать бы... накупил бы”. И тут я вспоминаю, что ещё полгода назад купил на распродаже по дешёвке итальянский ликёр “Фернет”. Название до сих пор помню. Крепкий он, зараза! Я эту липкую сладость терпеть не мог, лучше кисленького выпить. В холодильнике, слава Богу, колбаска кое-какая нашлась, пара апельсин. Я сучусь, а она смеётся, пошучивает. В душе моей томление и страх, что это сон, что всё это мнится мне. В морозилке оказался многолетний лёд в формочке. Я сыпанул его в бокалы, плесканул в них ликёра

и уселся напротив Гали, держа в дрожащей руке свой бокал. Не знаю, как смог выдать из себя, делая непринужденный вид:

— За встречу! Ох, как давно я тебя не видел. Расцвела ты как! Встретил бы — не узнал!

Она смеётся.

— Забыл уже. Все вы, мужики, забывчивые.

Выпили мы, закусьваем. У меня вилка в руках дрожит, никак успокоиться не могу. Тороплюсь, наливаю ещё, надеюсь, хмель дрожь уймёт. Она не отказывается, пьёт, шутит:

— Спойть меня хочешь?.. Вкусенький у тебя ликёрчик!

— Итальянский, — говорю, — специально для тебя купал.

Язык у меня развязывается стал. Она смеётся и касается моей руки своей рукой. Меня словно обжигает, я хватаю её руку и прилипаю к ней губами. Она гладит меня по голове другой рукой. Я вскакиваю, мигом оказываюсь рядом с ней и начинаю быстро и неистово целовать её нежные, чуть пухлые щёки. Она в ответ обнимает меня за шею и впивается в мои губы своими губами. Очнулись мы в постели. Я гляжу на её лицо сверху. Глаза у неё блестят, чуть опухшие от долгих поцелуев губы раздвинуты в улыбке, видны кончики поблескивающих на солнце зубов. Нам было не до штор. И полуденное солнце освещает её полностью. Я люблю её счастливым лицом... Да-да, я не ошибаюсь: не только я ощущал себя самым счастливым человеком на свете, но и она была счастлива со мной. В этом я уверен, играть она не могла, да и зачем? Я принёс остатки еды и полупустую бутылку ликёра к постели, мы выпили ещё и снова оказались в объятиях друг друга. Мы вели себя, как юные молодожёны, которые, наконец, остались одни в квартире. В перерывах мы допили ликёр, что-то ели, смеялись, вспоминали прошлое, школьные годы, как она, дурочка, это её слово, крутилась от меня, но ни слова не сказали о настоящем. Я был уверен, что теперь мы вместе навсегда, что каждый день, каждая ночь будут у нас такими же сказочными, и всю свою жизнь я не буду выпускать из объятий мою милую нежнейшую девочку с самыми сладкими губами на свете. Часов в десять вечера она поднялась, глянула на часы, сказала озабоченно:

— Мне пора!

— Куда? — удивился я. — Зачем тебе уходить? Разве ты не останешься ночевать?

До этого я был уверен, что она заночует у меня, и утром мы решим, как нам жить дальше. Я уже обдумывал слова, как предложу ей стать моей женой. И она согласится. Кто же откажется от своего счастья?

Она быстро оделась, натянула свой тонкий свитерок. Я проводил её к двери. В коридоре она клоуна губами меня в нос, да-да, именно в нос, проговорила быстро:

— Я выхожу замуж за испанца. Завтра мы улетаем в Испанию.

И захлопнула за собой дверь.

Не знаю, почему я не упал в обморок от её страшных слов...

Хорошо, что спиртное теперь продают круглосуточно. Утром я еле очнулся...

И вот я здесь, вдали от тревог и таких ужасных страданий.

Отец Михаил замолчал. Молчали и мы. Я был потрясён его рассказом. Ничего подобного я не ожидал от Виктора и Галки. Не зная, что говорить, я взял бутылку и начал доливать вино в недопитые бокалы. Отец Михаил взял свой и чуточку отпил из него. А Тоня выпила свой бокал до конца.

— Да, — вздохнула она, поставив бокал на стол. — Думаю, в свой последний миг Галка вспоминала этот тоже, может, самый счастливый день в своей короткой жизни.

— Что за последний миг? — взглянул на неё отец Михаил. — Почему короткой жизни?

— Ты разве не знаешь?

Отец Михаил с тревогой смотрел на Тонию.

— Галя покончила с собой ещё год назад.

— Как? Почему? — воскликнул отец Михаил.

— Испанец её оказался ревнивцем, зверем! Ни за что ни про что бил чем ни попадя. Бил даже за то, что кто-нибудь из мужчин глянет на неё с улыбкой. Запер в доме. Не выпускал одну никуда. Она не выдержала, выбросилась на асфальт с седьмого этажа.

— Говорили, что это муж её вытолкнул в окно, — проговорил я.

— Я уверена, сама прыгнула. Рухнули все её мечты, вся жизнь, она сама поставила точку. Незачем стало жить... — как-то совсем грустно проговорила Тоня.

Я с удивлением посмотрел на жену: что с ней? Вроде бы давно между нами обговорена и забыта смерть её подруги. Галя сама выбрала свою судьбу, никто её не толкал на этот путь. Вышла бы замуж за Витю, и жили бы счастливо.

На другой день мы попрощались с отцом Михаилом и отправились в Ярославль. Тоня настояла, чтоб первым мы посетили Свято-Введенский Толгский женский монастырь, убеждая меня, что в том монастыре множество святынь.

На стоянке возле входа в монастырь Тоня попросила меня подождать её немного в машине, она скоренько вернётся. Я удивился: что за причуда, пошли вместе.

— Нет-нет, — возразила она. — Я мигом!

И убежала, скрылась в монастыре.

Ждал я её полчаса, волноваться начал, нервничать и, наконец, не выдержал, пошёл в монастырь искать её. Встретились мы у входа. Она торопливо и как-то нервно шла навстречу. Это я сразу отметил.

— Уезжай! — проговорила она быстро серьёзным тоном. — Возвращайся в Москву! Я остаюсь здесь!

— Не понял? Что случилось?

— Я ухожу в монастырь!

— Что с тобой? Ты с ума сошла! Вчерашний хмель из головы не вышел? — рассердился я, не понимая ещё всей серьёзности её намерения. Но её отчуждённый и слишком суровый вид пугал меня. Я почувствовал возникающую дрожь в душе.

— Я ухожу в монастырь, — повторила она страшным тоном.

— Кто тебя примет? Разве так эти вопросы решаются? — вскрикнул я, схватил её за руку выше локтя и силком поволок к машине. Я никогда не был с ней так груб.

— Я три месяца переписывалась с настоятельницей этого монастыря, — проговорила она по пути к машине, почти не сопротивляясь мне. — Встречалась с ней в Москве.

— Как? — с недоумением воскликнул я, приостанавливаясь, выпустив её руку. — И ты ни слова не сказала мне?

Она потёрла пальцами свою руку выше локтя, где я только что с силой держал её, поморщилась.

— Синяк будет... — и спокойно ответила на мой вопрос: — Кому говорить? Ты по уши погряз в своём бизнесе. Разве услышал бы?

— Как это можно скрыть от любящего мужа? Как? — в отчаянии я не верил своим ушам. — Чего тебе не хватало?

— Любви.

— Ты не чувствовала моей любви? Разве я мало любил тебя?

— Видела... Чувствовала... И сейчас сердце рвётся от жалости к тебе! От жалости! Понимаешь, от жалости!

— Значит... — Меня поразила ужасная догадка.

— Да-да, я не любила тебя. Я всю жизнь любила Витю...

— Виктора? Не может быть! И он знал об этом? — дрожал я. Мне показалось, что наступают сумерки, хотя солнце было прямо над нашими головами.

— Знал. У любви глаз нет. Поезжай домой... Меня приняли послушницей. Может, я ещё и не постригусь. Только Богу известны наши судьбы...

Она повернулась и неторопливо пошла в монастырь, не оглядываясь.

Я, оцепенев, провожал её глазами, пока она не скрылась за воротами. Унимая дрожь, сел в машину, посидел, пока в глазах не посветлело. И рванул с места. Не помню, как я долетел до Москвы, не понимаю, почему не попал в аварию, почему меня ни разу не остановили гаишники?

С этого дня жизнь моя пошла под откос. Некоторое время я ещё надеялся, что послушница — это ещё не монахиня, что, может, Тоня передумает и вернётся домой. Но она не вернулась. Через год стала полноценной насельницей Толгского монастыря.

Бизнес стал мне неинтересен. К тому же по Москве и Подмосковию стали открываться супермаркеты с богатейшими косметическими отделами. Ларьки и магазинчики в переходах у метро и в Подмосковье, которые я снабжал товаром, лопались, закрывались один за другим. Вскоре я продал нашу прекрасную квартиру, где проходили безмятежные дни нашего тихого счастья с Тоней. Жутко было одному в большой квартире.

Прошло четыре томительных года, четыре гнетущих однообразных года одиночества. И вот я сижу охранником в знакомом банке, сижу без дела, молчалив, суров. Я знаю, что меня считают нелюдимым человеком, сторонятся меня. Меня это не задевает, не заботит. Мне доставляет удовольствие думать о Тоне, мечтать о поездке к ней в монастырь. Но я знаю, что я никогда не поеду туда, не встречу с Тоней. Что я ей скажу? Что я был слеп? Что мало думал о ней, когда она была рядом? Занят был чёртовым бизнесом. А нужны ли ей мои слова? Может, она ждёт таких слов от Виктора, отца Михаила? А тот сейчас молится за упокой заблудшей души Галки Софроновой...

ЧИПИРОВАННАЯ ЛЮБОВЬ

Если бы не Верочка, Ольга Николаевна не обратила бы на него внимания, и не произошла бы эта жуткая история. Но тогда не было бы в её жизни этих немислимых дней счастья!

Немыслимых для Ольги Николаевны! Она уже не молода, дни её жизни шли к закату, ей было уже под шестьдесят, а выглядела она на все семьдесят. Её и в двадцать лет красавицей назвать было нельзя: невзрачная серая мышка. Маленького росточка, конопатая студенточка, не умеющая следить за собой, всегда растрёпанная, безвкусно одетая, хоть и выросла в семье профессоров, но зато умница, отличница, серьёзный человек с большим будущим. Все эти её качества не привлекали внимания парней, впрочем, это Ольгу совсем не заботило. Наука, и только наука была смыслом её жизни.

Ольга Николаевна оправдала надежды родителей, к шестидесяти годам стала довольно авторитетным учёным, академиком РАЕН, и была уверена, что через год-другой её изберут членкором и в главную академию страны. Особенно если этот проект, над которым она работала больше десяти лет, после нынешнего эксперимента признают успешным.

Но не было в её жизни главного — любви! Бывали в жизни Ольги Николаевны мужчины, бывали, но всё происходило как-то мимоходом, наспех, между делом, не затрагивая сердца. Лет в тридцать были у неё длительные, года два, отношения с женатым мужчиной, но тоже не было особой любви. Легко сошлись после вечеринки у подруги, легко, потихоньку, незаметно и расстались. Была без радостей любовь, разлука вышла без печали.

И только теперь, к шестидесяти годам жизни в минуты одиночества Ольга Николаевна с грустью сожалела, что не озаботилась семьёй, не завела детей, печалилась, что обделила её жизнь большой любовью. Может, потому и заинтересовали её слова Верочки, когда та, приоткрыв край белой чистой занавески окна их лаборатории, выглянула в коридор на небольшую очередь волонтеров для чипирования и воскликнула:

— Посмотри, какой красавец!

Верочка — кандидат наук, работает над докторской диссертацией под руководством Ольги Николаевны. Ей тридцать лет. Она хороша собой,

жизнерадостна, поклонников у неё всегда много, и она охотно проводит с ними время. Но замуж пока не собирается, наука не пускает.

Ольга Николаевна подошла к окну, взглянула на молодых мужчин, сидевших вдоль стены на стульях, и сразу поняла, кого имела в виду Верочка. Он резко выделялся среди остальных не только правильными чертами смуглого лица с умными глазами, ухоженной причёской, ладной фигурой с накачанными загорелыми руками в коротких рукавах тенниски, но и каким-то особым мужским неуловимым обаянием.

— Хорош, хорош! — одобрила Ольга Николаевна. — Но как говорят: хороша Маша, да не наша!

— Как бы не так! — засмеялась Верочка. — Недоступных вершин не бывает.

— Ну, смотри, смотри! — усмехнулась Ольга Николаевна, взглянув на Верочку, и неожиданно почувствовала некоторую зависть к её молодости, красоте, жажде жизни. — Я направлю к тебе, если его очередь выпадет ко мне. Покорай очередную вершину!

Но она не уступила его Верочке. Когда он вошёл в лабораторию, высокий, стройный, улыбчивый, Верочка работала с пациентом, направляла зондом чип в нужный участок мозга, впившись глазами в экран компьютера. Это главная, самая ответственная процедура в проекте Ольги Николаевны. Установишь чип на долю миллиметра от назначенного места и сорвёшь эксперимент. Ольга Николаевна хотела сказать парню, чтоб он подождал, сделать вид, что занята, но при виде парня вдруг неожиданно потерялась на миг и указала ему рукой на стул перед своим столом. Парень улыбнулся ей дружелюбно и произнёс, подходя к стулу:

— Здравствуйте!

Голос у него был мягкий, приятный и какой-то тёплый.

— Ваш паспорт, — попросила она.

Он протянул ей паспорт. Она открыла и стала набирать в компьютере его имя. Звали его Селеменов Павел Семёнович, двадцать семь лет. Вспомнились её слова про хорошую Машу, сказанные Верочке, и подумалось: “Хорош Паша, да не наш... Нескладушка выходит!”

— Павел Семёнович, вы внимательно изучили соглашение? Всё вам понятно? Вопросы есть?

— Всего два.

— Слушаю.

— У меня друг в Сан-Франциско. Он там тоже ставит чип, смогу ли я с ним разговаривать телепатически?

— С чипированными можете разговаривать, когда захотите, где бы они ни находились! Просто называете имя, и он тут же подключится к вам.

— Вслух называть или мысленно?

— Как хотите. Без разницы. А с теми, у кого пока нет чипа, называете номер телефона или адрес электронной почты и мысленно диктуйте, что надо. Только старайтесь о постороннем не думать, все ваши мысли в письме отразятся.

— Понятно. И второй вопрос: можно ли будет через чип внушить мне какую-нибудь гадость, например, заставить задуть вас.

— Это невозможно! — поспешно ответила Ольга Николаевна. — Не забивайте свою голову чепухой! Программа всё запишет!

— Значит, всё, что я буду делать, отразится в программе?

— Нет, вы меня не поняли. Всё, что вы делаете, нигде не отражается. Но я обязана во время эксперимента постоянно следить через компьютер, нет ли каких сбоев в чипе, как вы себя чувствуете, и отмечать в программе ход эксперимента. Все мои действия будут отражаться в программе.

— Понятно. Вопросов больше нет. Я подписываю соглашение!

Верочка обиделась на неё, высказала недовольно, когда они остались одни:

— Почему ты того красавчика не оставила мне?

— Ты устанавливала чип, как я могла тебя отвлечь? Ставить под угрозу проект, который я с таким трудом пробила! — оправдалась Ольга Николаевна.

— Сказала бы, чтоб подождал.

— Ну да, надо было сказать: жди, тебя обслужит Верочка? Так, что ли?

— Не так... Но надо было что-то придумать.

— Я не такая выдумщица, как ты. А врать стыдно!

Вечером Павел почему-то не вышел из головы Ольги Николаевны.

Перед ней постоянно возникали то его чарующий голос, то притягательное лицо парня с чистыми серыми глазами, то крепкие загорелые руки в коротких рукавах тенниски, и не покидало грустное чувство, будто от какой-то неясной неосознанной пока потери и тогда, когда она ехала на своей машине с работы, и тогда, когда в одиночестве ужинала в привычном небольшом и тихом ресторанчике с приглушённой печальной музыкой, и тогда, когда лежала в постели перед глухо работающим телевизором, висевшим на стене.

Утром она встала с таким ощущением, что в её жизнь вошло что-то неожиданно светлое, и теперь её жизнь станет не так скучна и однообразна. На работе она в первую очередь проверила в программе, как работает чип Павла, всё ли идёт по плану. Никаких отклонений не было. И снова перед ней возникло обаятельное лицо парня, раздался в ушах его завораживающий голос. Она улыбнулась. Верочка, сидевшая за своим компьютером, заметила её улыбку и спросила:

— Чему ты улыбаешься? Сегодня ты какая-то светящаяся.

— Письмо от племянницы получила, — ляпнула Ольга Николаевна первое, что пришло в голову. — В гости просится. Хорошая она у меня!

— Ну да, хорошая! Ты недавно её ругала, говорила, что ноги её больше у тебя не будет.

— Помирились мы, помирились!

Ночью опять думала о Паше. Мелькнула мысль: не попробовать ли через программу внушить ему любовь к себе? Такой функции у программы не было, иначе комиссия не разрешила бы проводить эксперимент над людьми, мол, с мышами, с тараканами, работайте, как хотите, но с людьми категорически запрещено.

Ольга Николаевна быстро поднялась с постели, включила свет, подошла к зеркалу и долго рассматривала своё невзрачное лицо стареющей женщины, натягивала кожу на шее, на щеках, чтоб убрать морщины. Разве можно полюбить такую? Красавец и чудовище! Потом полночи рыдала она о своей никдышной пропащей женской жизни, мочила подушку своими слезами.

На другой день Ольга Николаевна была на работе грустна, молчалива.

— Племянница отказалась приехать? — скрывая насмешку, спросила Верочка.

— А как ты догадалась?

— Вижу.

И в следующую ночь Ольге Николаевне не давала покоя, терзала, мучила голову мысль влюбить в себя Павла. Но как? Как это сделать? Да и получится ли у неё? Мыши легко поддавались внушению, выполняли все её команды. Она решила попробовать задать ему какое-либо простое безобидное действие, и утром на работе ввела в программу его чипа задание приехать ровно в полдень к зданию НИИ, остановиться напротив входа на секунду и уехать.

Около двенадцати часов она подошла к окну и стала смотреть на улицу, с волнением посматривая на секундную стрелку своих часов. Ровно в полдень ко входу стремительно подкатил кабриолет болотного цвета. В машине сидел он! Паша, Пашенька! Видимо, очень торопился успеть к двенадцати часам. Кабриолет приостановился на миг и потом уже неспешно тронулся с места.

Ольга Николаевна быстро вернулась к компьютеру и удалила задание из программы. Получается, всё получается!

Ночью она снова разглядывала своё лицо, тело перед зеркалом. Фигурой своей она осталась довольна, но лицо, лицо! Куда деть такое невзрачное стареющее лицо? Надо было ещё в молодости сделать пластическую

операцию, а теперь поздно. Пока сделаешь, пока шрамы заживут, эксперимент закончится, и прощай, Паша. Надо что-то придумать, и придумать сейчас. Время уходит.

И она придумала. Вспомнила, что лет двадцать пять назад во всём мире славилась немецкая красотка, модель Клаудиа Шиффер. Портреты её были на баннерах по всей Москве. Паше в то время было года два, вряд ли он видел портреты Шиффер. Она решила ввести в программу чипа Паши портрет Клаудии вместо себя и дать ему задание познакомиться в субботу в парке с этой девушкой.

В пятницу в конце работы она так и сделала, а в субботу, принарядившись, пришла в хорошо знакомый ей парк и направилась к тому месту, где было назначено свидание.

Ольга Николаевна села на скамейку в тени под плакучей ивой, ветви которой свисали почти до самой земли, но не скрывали скамейку со стороны дорожки, открыла книгу, наклонилась над ней, но не видела букв и слов, искоса поглядывала на дорожку, на которой с минуты на минуту должен был появиться он. Сердце у неё трепетало так, что хотелось прижать руку к груди, придержать её. “Как в семнадцать лет!” — усмехнулась она и глубоко вздохнула. Сразу стало полегче. И в это мгновение из-за поворота на дорожке появился Павел. Он шёл неторопливо, неспешным прогулочным шагом. Ольга Николаевна усердно уткнулась в книгу, вся превратившись в большое ухо, вслушиваясь в приближающиеся шаги. “Остановится или пройдёт мимо?” — стучало в сердце и в голове. Звук шагов затих совсем рядом и раздался мужской восхищённый бархатный голос:

— Ух ты! Какая красавица!

Она вскинула голову. Он стоял напротив и улыбался. Если бы она не знала, что он видит перед собой Клаудию Шиффер, а не её, то непременно оскорбилась бы, решила, что парень хамит, издевается над ней, над её, мягко говоря, непривлекательным лицом. Ольга Николаевна улыбнулась в ответ, растерялась, не зная, что отвечать женщины в таких случаях. Павел отметил про себя её растерянность, решил, что тоже произвёл впечатление своей внешностью, и проговорил уверенным голосом:

— Как хорошо здесь в тенёчке под такой чудесной ивушкай! Можно на минутку присесть?

Ольга Николаевна молча чуть-чуть отодвинулась на край скамейки. Павел опустился рядом, говоря непринуждённо мягким голосом:

— Жаркие дни установились... Я хотел на речку махнуть, но почему-то вдруг потянуло сюда, взбрело в голову прогуляться по парку. Я здесь никогда не был. Прелестный парк: цветы, запахи.

Ольге Николаевне стало неловко молчать, и она ответила, стараясь говорить как можно ласковее и нежнее:

— А я здесь часто бываю... Живу рядом!

— Знал бы, что здесь такие ангелы водятся, давно бы примчался. Что мы читаем? — взглянул он на книгу.

Ольга Николаевна показала обложку. Он с трудом прочитал название вслух:

— “Транскраниальная и эндоскопическая нейрохирургия”. Мудрёная книжка, а я думал, дамский роман. Ой, как мужики врут, высмеивая блондинок. Посмотрели бы они, что читают блондинки. Студентка?

— Я уже пять лет назад отучилась. По работе нужно совершенствоваться.

— Работа, видать, у вас прикольная?

— Да-а, с работой мне повезло.

— Ну да, хуже всего делать нелюбимую работу. Это я знаю по себе. Десять специальностей сменил.

— Ничего. Какие ваши годы! Найдёте ещё свою. Главное — не останавливаться в поиске. Мужчинам проще искать себя.

— Это так... Вы правы... Женщинам сложнее: дети, семья отвлекают от работы. Надеюсь, и с семьёй у вас в порядке?

— В порядке. Ни мужа, ни детей. Ничто не отвлекает.

— Не поверю! Такая прелестница — и одна! Такого не бывает, такого я пока не встречал.

— Читайте, что встретили.

— Почему так?

— Работа не даёт семью заводить.

— А где вы работаете?

— В экспериментальном НИИ на Смоленской.

— Да-а! — воскликнул Павел с радостным удивлением. — Я там был неделю назад. Мог бы встретить! Мне там чип в башку ввинтили.

— Вы, видимо, из волонтеров?

— Ну да!

— И как чип? Работает?

— Здорово! Я его навсегда оставлю. У меня друг в Сан-Франциско. Он тоже чип вставил. Так мы с ним, когда захотим, телепатически разговариваем. И в быту здорово! Надо отовариться — мысленно к программе магазина подключаюсь, заказываю, что надо, и дроны на балкон доставляют. Всё-всё можно делать мысленно: подключайся к программе и действуй!

— Как интересно! Я читала об этом. Общаться телепатически можно только с теми, у кого чипы?

— Пока да. А с другими — подсаживаешься к их смартфону или компу и мысленно чешешь то, что нужно. Ответ их идёт не на смартфон, а сразу в башку.

— Да, здорово!

— Советую и вам поставить, не пожалеете. Будем общаться, когда захотим.

— Соблазнительно! Надо попробовать. Узнаю, когда новый набор волонтеров будет, и запишусь!

— Не пожалеете! Вот смотрите, машину в любой момент куда надо вызвать можно... — Павел требовательно скомандовал: — Васёк, ко мне! — И пояснил: — Я свою тачку Васьком назвал. Тут же откликается. Во, откликнулся, говорит, что напротив нас стоянка запрещена. Штраф будет! — Павел обратился к машине: — Хорошо! Гони к ближнему от нас входу в парк. И жди!

— Вы всегда вслух с машиной разговариваете? Мысленно приказывать можно?

— Конечно, можно! Это я так... Кстати, время обеденное. Что-то я проголодался. Может, продолжим беседу в ресторане. Как вы на это смотрите?

— Положительно.

Ольга Николаевна резко, удовлетворённо захлопнула книгу и поднялась. Они направились к выходу, где их ждала машина. Когда Павел открыл перед ней дверь кабриолета, Ольга Николаевна нарочно восхитилась, чтоб порадовать самолюбие Павла.

— Ух ты, какая красавица!

Но ответ на восхищение получила она не от Павла, а от машины:

— Меня в прошлом году на салоне во Франкфурте признали лучшим авто в мире в своём классе. "Порше" обошла!

Павел, сядя рядом с Ольгой Николаевной на заднее сиденье, шутливо приструнил машину:

— Молчи, дурак! Или крыша поехала от такой пассажирки? Давай, гони в ресторан.

И назвал адрес.

Весь день они не расставались. Вечером приехали к Ольге Николаевне. Она счастливая, возбуждённая, хмельная то ли от вина, то ли от счастья, вошла в свою квартиру с большим букетом алых роз, вошла и спохватилась:

— Ой, а я где-то книгу забыла?

— Ничего, я тебе завтра новую куплю, — ответил Павел и вдруг обнял её, прижал к себе и коснулся тихонько своими губами губами её губ.

Она в ответ обняла его, закинула руку с букетом роз ему за спину и неожиданно для себя жадно впиалась своими губами в его губы. Никогда ещё

она не испытывала такого наслаждения от поцелуя. В комнате всё плыло, ноги подкашивались. Она повисла на нём и долго не отрывалась от его губ. Одна острая колючка от стебля розы впиалась ему в спину, но он не ощущал боли, всё сильнее прижимал к себе маленькое лёгкое тело Ольги Николаевны. Потом подхватил её на руки и внёс в комнату, увидел открытую дверь в спальню, кровать, быстро шагнул туда, бережно положил её на постель и стал целовать глаза, щёки, шею. Она уронила букет на пол, прижала парня к себе.

Всю ночь в большое окно с распахнутыми шторами падал свет от фонаря у соседнего дома, освещая его лицо с блестящими глазами, когда он отдышал, откинувшись на подушку, после небывалого для Ольги Николаевны неистовства, а она, ещё не остывшая от любовного восторга, дрожа от мучительного счастья, целовала, едва касаясь губами, его ещё более тёмные в полумраке загорелые литые руки, упругую бугристую грудь с редкими нежными волосами, которые ласково щекотали её губы, щёки, и думала, что вот за такую одну только страстную ночь можно отдать жизнь. Ничего подобного даже близко не испытывала она и не представляла, что такое бывает в реальной жизни.

Под утро спальню вдруг резко озарила ослепительно белым светом молния, ярко осветила всю наготу их одержимой страсти, и, словно сердясь на них, резко громыхнул гром. Сердце у неё сжалось от стыда, от мгновенной мысли, что она крадёт любовь. Она легко вспорхнула с постели, кинулась к шторам, с шумом запахнула их. Новая вспышка молнии осветила её у окна с поднятыми к шторам руками, тонкую, гибкую, стройную, и впервые она почувствовала себя красавицей, любимой. А Павел, любуясь ею при вспышке молнии, воскликнул восторженно:

— Ах ты, моя легкокрылая стрекоза!

Потом он будет часто называть её так.

Запахнув шторы, она, чувствуя себя легкокрылой стрекозой, кинулась ему в объятия, отдалась вновь неистово вспыхнувшей пламенем страсти.

Утром он потихоньку выбрался из её сиящих объятий, но она проснулась, открыла счастливые глаза, улыбнулась ему.

— Мне пора, — сказал он нежно, надевая тенниску. — Поеду на работу собираться.

Она увидела на его спине царапину, кровь.

— Ой, — воскликнула она, — я тебя до крови оцарапала.

— Жаль, простыню испачкал.

— Ничего, пусть будет, — поцеловала она вдруг кровавое пятнышко на простыне.

— Это розы! На шип напоролся. — Он поднял букет с пола. — Свидетели нашей страсти! Смотри-ка, совсем за ночь не завяли.

Он протянул ей букет. Она схватила его и уткнулась в цветы лицом, вдыхая их томный запах. Он поцеловал её в лоб, говоря:

— Я побежал, — и быстро вышел из спальни.

Она, со счастливой улыбкой слушая его торопливые шаги, стук захлопнувшейся двери, кинула букет на подушку, на которой была вмятина от его головы, и упала лицом на постель, на то место, где он лежал, с острой сладостью вдыхая его мужской запах. Возле её глаз на простыне темнело пятнышко его крови. Сердце её стеснило от нежности, и она зачем-то легонько коснулась высохшей крови языком.

Утром она опоздала на работу.

— Что с тобой? — встретила её удивлённо Верочка. — Ты как будто прозрачная сегодня, лёгкая, воздушная. Я тебя такой никогда не видела.

— Как стрекоза! — засмеялась Ольга Николаевна.

— Вот-вот! Племянница приехала?

— Да-да, встретила вчера вечером.

— Хотела бы я взглянуть на эту удивительную племянницу.

— Увидишь, приходи в гости! — радостно брякнула Ольга Николаевна, и сама испугалась своих слов: что она говорит? Зачем? Какие гости? Никто не должен видеть их вместе!

— Когда? Сегодня?

— Нет-нет, мне сейчас не до гостей. Потом, потом!

После работы она с лёгким сердцем полетела в салон красоты. Ей делали причёску, а она нетерпеливо поглядывала на часы. Скоро будет он!

И снова была до безумия жаркая ночь, снова она теряла память от бурной страсти, снова её сердце разрывалось от жгучего наслаждения, и снова за окном ослепительно вспыхивала молния, грозно сердился гром, словно напоминал ей, что счастье её зыбко, к добру эта страсть не приведёт. Но в следующую ночь грозы не было, и не было безумной бурной страсти, но по-прежнему была томительная нежность, по-прежнему охватывал обжигающий сердце пламень в миг особого наслаждения.

Верочка удивлялась её преображению. Она отлично знала по себе, из-за чего такие пертурбации происходят с женщиной, и с каждым днём разбирало её жгучее любопытство: кто? Кто же это превратил невзрачную старушку в легкокрылую стрекозу?

Павел пытался вытащить из дому Ольгу Николаевну, познакомить с друзьями, но она отказывалась, боялась показываться с ним на люди. Бывали только в ресторанах да изредка гуляли по парку, где прохожие принимали их за мать с сыном.

Но через неделю Павел стал приезжать за Ольгой Николаевной на работу. Она всячески отговаривала его не встречать её, но он упорно приезжал к НИИ и ждал у входа.

Ольга Николаевна ужасно боялась, что их увидит Верочка. И это вскоре произошло. Верочка, увидев, как Ольга Николаевна, выпорхнув из здания, привычно, уверенно садится в кабриолет, подскочила к ним, сразу узнав того красавца-волонтера, и воскликнула:

— Ольга Николаевна, познакомьте меня с племянником!

— Паша, — сам назвал себя парень.

— А меня все зовут Верочка. Я ученица Ольги Николаевны, вместе работаем.

— Только я не племянник, — сказал Павел.

— Значит, племянница, — засмеялась Верочка и отошла от них, пошла по улице к своей машине.

— Чудачка! — покачал головой Павел и приказал машине. — Васёк, вперёд! Адрес ты знаешь!.. Она всегда такая? — спросил он Ольгу Николаевну о Верочке.

— Всегда... Может ляпнуть что-нибудь... но добросовестная.

А изумлению Верочки от этой встречи не было предела. Она даже некую ревность почувствовала, увидев, как Паша взглянул на Ольгу Николаевну. Чем она привлекла эдакого красавчика? Поначалу подумала, что старушка купила его, альфонсов сейчас много. Нет, у альфонса не будут так гореть глаза, так смотрят только очарованные женщиной влюблённые мужчины. Чем же она взяла его? Странно, очень странно!

Однажды Верочка увидела в окно, как кабриолет с Пашей подкатил ко входу и остановился, стал ждать. Ольга Николаевна всё ещё сидела за компьютером, заканчивала какую-то работу. Верочка быстро схватила свою сумочку и выскочила на улицу, подошла к Паше и, улыбаясь, сказала:

— Привет, мою старушку ждешь?

— Какую старушку? — удивился Павел. — Я жду Олечку!

— Я про Ольгу Николаевну и говорю. Я просто с ума схожу от любопытства, что такой прелестник нашёл в убогой старушонке? Чем она тебя привлекла?

— Какая она старушонка? Я её за студентку сначала принял.

— Ну да, студенточка! Она уже академик. Ей пятьдесят девять лет.

— Хватит гнать! — рассердился он. — Если ей пятьдесят девять, то тебе семьдесят два.

— Разуй глаза, — засмеялась Верочка. Её вдруг озарило, она поняла, что Ольга Николаевна через чип внушила ему любовь к себе.

— Вот и я думаю, — заговорил вдруг кабриолет, — то я с ним возил таких красоток, а то он вдруг залип на старушонке.

— Заткнись, дурак! — прикрикнул на машину Павел.

— Молчу, молчу!

— А вот и моя легкокрылая стрекоза! — просиял Павел, увидев торопиво выходящую из здания Ольгу Николаевну. Когда она подошла к ним, Верочка сказала ей весело:

— А мы тут любимся кабриолетом... Изящная игрушка!

— Меня все любят, — заговорил кабриолет, — но я не игрушка!

— Васёк! — грозно прикрикнул Павел. — Я те сказал: молчи!

— Молчу... Куда едем?

— Туда же!

А Верочка проводила ревнивым взглядом отъезжающую машину со счастливым Павлом и решила войти в программу чипа Павла, узнать, действительно ли Ольга Николаевна внушила ему, что она молодая красавица. Но как это сделать? Для входа у них были сложные пароли. И Верочка придумала, как узнать пароль. Она купила миниатюрную видеокамеру и закрепила её на люстре, направив на компьютер Ольги Николаевны. Потом, внимательно разглядывая запись с камеры, расшифровала пароль.

На другой же день Верочка задержалась на работе, понаблюдала в окно, как Павел с Ольгой Николаевной отъезжают на кабриолете от НИИ, быстренько вошла в её компьютер и скачала на свою флешку программу чипа Павла. Дома переписала её на компьютер и, чувствуя в душе волнение, азарт и некоторые ревность, зависть к Ольге Николаевне, открыла, стала листать страницы программы и быстренько напала на фотографию Клаудии Шиффер. “Вот оно что! Вот кого он видит вместо облезлой старухи. Сейчас я вам устрою сюрприз!”. Она с удовольствием и некоторым злорадством щёлкнула несколько раз по клавишам. Фото Клаудии и задание исчезли с экрана.

А Павел в это время в постели жарко обнимал Ольгу Николаевну, целуя нежные щёки Клаудии. И вдруг юное личико блондинки с тонкой белой кожей под его губами превратилось в серое невзрачное лицо пожилой женщины с дряблой кожей, испещрённой морщинками. Павел ошарашенно отшатнулся, увидев под собой не легкокрылую стрекозу, а маленькую старушку, вскочил и, дрожа испуганно, сграбастал свою одежду с тумбочки.

— Что с тобой? Что с тобой? — вскочила вслед за ним Ольга Николаевна. — Остановись!

— Отстань! — вскрикнул Паша. — Отстань, проклятая старуха!

И выскочил из спальни.

Ошеломлённая, оглушённая Ольга Николаевна упала на подушку, почти потеряв сознание, чувствуя страшное удушье в груди. Она хрипела, жадно в страхе хватала воздух ртом и, наконец, придя в себя, разрыдалась. Рыдала вслух, громко, не сдерживаясь, чувствуя, что жизнь её кончена. Когда отрыдала, успокоилась немного, продолжая чувствовать разрывающую грудь страшную скорбь, решила, что это контролируемые эксперимент органы проверили программу, увидели фото Шиффер и очистили программу от её задания. Завтра угробят её проект, которому она отдала больше десяти лет жизни, отстранят её от эксперимента, выгонят с работы и, скорее всего, заведут уголовное дело, особенно если Паша напишет заявление. Пусть! Пусть!

Всю ночь Ольга Николаевна лежала на спине, видела перед собой то блестящие при вспышке молнии глаза Паши, то его руки, ласкающие её волосы, грудь, то засохшее тёмное пятнышко его крови на простыне, видела, как она с нежностью прикасается языком к этому пятнышку, то снова начинала вспоминать ту жаркую безумную страсть, с которой он обнимал, её ответный любовный пламень. Вспоминая это, она снова начинала задыхаться, и слёзы, слёзы лились из глаз на мокрую подушку, а жгучая скорбь разрывала душу. Вспомнилась мысль после первой ночи, что за такую ночь можно отдать жизнь. И эта мысль стала успокаивать. Будь теперь, что будет, но она познала большую восхитительную любовь. Это было в её жизни, было! Разве было бы лучше, если бы она сгасла с годами, не узнав этой безумной страсти? Нет, нет, за такую немислимую раньше любовь можно и умереть. Ведь за неё умирают даже юные девушки, а она пожила, познала

радости успехов в работе, а теперь и в любви! Эти мысли придали ей уверенности, мучительная, люта́я скорбь ушла из груди, оставив томительную печаль.

Утром, собираясь на работу, Ольга Николаевна твердила себе, что надо собраться с духом, не показать хотя бы Верочке, что она убита, раздавлена. Что делать теперь, как быть дальше, она пока не представляла, но чётко знала, что жизнь её кончена. Незачем дальше жить!

Верочка в этот день была неразговорчива, старалась не обращать внимания на Ольгу Николаевну, сосредоточенно делала что-то в своём компьютере, не поднимая головы. Ольга Николаевна тоже запустила компьютер, смотрела безучастно на экран и думала-думала-думала, но никак не могла придумать, что делать теперь? Что делать?

Перед обедом Верочка куда-то вышла, вскоре вернулась и обратилась к Ольге Николаевне:

— Там твой племянник к директору явился.

— Какой племянник? — похолодев, спросила Ольга Николаевна.

— Паша.

— А-а... мало ли у людей... дел к директору!

— Сидит в приёмной, хмурый, растрёпанный какой-то. Глянул на меня зверем. Даже “здрассьте” не сказал.

Ольга Николаевна представила, как сейчас вызовут её к директору, как начнётся скандал, позор!

Для неё стало ясно, что делать! Она отвернулась от Верочки к своему компьютеру и быстро защёлкала клавишами. Вошла в программу чипа Павла и написала:

— Выйди на балкон в приёмной, наклонись через перила и лети! Ты орёл!

Через миг мимо окна лаборатории промелькнуло тело человека, падающего вниз. Приёмная директора была над лабораторией. С улицы донёсся испуганный крик.

— Ой, что это! — воскликнула Верочка и подскочила к окну. — Человек выпал из окна! Прямо на асфальт!

Ольга Николаевна быстро поднялась и торопливо вышла из лаборатории. На улице она выскочила из здания и быстро направилась к своей машине, даже не глядя в сторону возбуждённой толпы вокруг тела Павла.

Остановила машину возле парка и неторопливо направилась по дорожке к плакучей иве, села на лавочку под ней и стал с улыбкой вспоминать первый разговор с Пашей. Посидев минут десять, встала, улыбнулась, сказав себе вслух:

— Ну что ж, пора на встречу с Пашей!

И неспешно, уверенно, со спокойной душой направилась домой. Там надела своё самое праздничное платье, в котором была на первом свидании, взяла две свежие упаковки снотворного. После встречи с Пашей она перестала ими пользоваться, выдавила все таблетки себе в ладонь, отравила их разом в рот и, схватив стакан с водой, давясь, стала жадно глотать их. Проглотила, прополоскала рот и пошла в спальню, неторопливо легла в постель, улыбнулась, глядя на подушку, на которой только вчера лежал её любимый, прошептала:

— До скорой встречи, Пашенька! Твоя стрекоза летит к тебе!

И закрыла глаза, ожидая, когда придёт её последний сон.

Но встретиться с Павлом в лучшем мире на этот раз ей не пришлось.

Верочка рассказала полиции, приехавшей на смерть Павла, что, возможно, Ольга Николаевна причастна к его смерти. А те вызвали спецов из органов. Им Верочка показала на экране компьютера своей учительницы задание Павлу лететь с балкона. Ольга Николаевна, видимо, потеряв в отчаянии память, не только не стёрла своё задание, но даже не закрыла программу.

Люди из спецорганов приказали Верочке запереть рот на замок, никому не вкаты про задание Павлу и сразу же помчались на квартиру к Ольге

Николаевне, взломали дверь, нашли её спящей в постели со счастливой улыбкой на умиротворённом лице и вызвали “скорую”.

Ольга Николаевна исчезла. Проект её был закрыт. У всех волонтёров извлекли чипы. С Верочки спецорганы взяли пожизненную подписку о неразглашении. Она считала, что Ольга Николаевна арестована, считала, что скоро будет закрытый суд. Но вскоре в НИИ прошёл слух, что следствие по делу выпавшего с балкона парня завершено, что он случайно, поскользнувшись, упал с балкона. Несчастный случай!

А куда же делась Ольга Николаевна, наша легкокрылая стрекоза? Она теперь далеко от Москвы, живёт в секретном закрытом городе, руководит делом в НИИ, относящемся к ведомству Министерства обороны, работает над своим проектом. Она просила вызвать сюда свою прилежную ученицу Верочку, но ей категорически запретили это делать.